

Дворяшин, Ю. В поисках правды // Литературная Россия. – 2005. – 28 янв.

Только после войны, во второй половине 50-х годов, когда изменилась общественная атмосфера в стране, да и авторитет М.Шолохова и его эпопеи приобрёл качество непререкаемости, С.А. Герасимов смог приступить к осуществлению своего давнего замысла. В 1957 — 1958 годах на киностудии им. М.Горького он поставил трехсерийный фильм «Тихий Дон», который до сих пор считается безусловной удачей режиссёра и съёмочной группы, расценивается как классическое произведение советского кинематографа.

Не будет преувеличением сказать, что и сам М.А. Шолохов был искренне увлечён возможностями искусства кино и даже старался всячески помочь постановщикам фильмов по своим произведениям консультациями, советами, оценками тех или иных режиссёрских решений. Правда, после того, как первая экранизация «Поднятой целины» была сорвана, главным образом по мотивам идейно-политического свойства, энтузиазм писателя несколько поугас.

Согласившись в 1939 году на создание нового фильма по второму своему роману, М.Шолохов отнёсся к его подготовке уже по-иному. Ю.Райзман рассказывал: «М.Шолохов дал согласие потрудиться над сценарием. Его участие в работе выразилось несколько необычно, но было для нас интересным и полезным.

Встретимся мы для уточнения той или иной сцены, а минут через пятнадцать смотришь — разговор переползает на другую тему. Шолохов начинал что-нибудь вспоминать, и вернуть его к сценарию в такой вечер уже не удавалось.

Но беседы эти немало прибавляли в понимании той жизни, о которой предстояло рассказать с экрана».

В последующие годы, несмотря на неоднократные предложения, М.Шолохов больше ни разу не участвовал в работе над киносценариями, хотя вовсе не утратил своей увлечённости кинематографом. Он живо откликался на попытки новых кино постановок, внимательно следил за работой сценаристов, встречался и беседовал с актёрами.

М.Шолохов всегда был чрезвычайно серьёзным в оценках фильмов, снятых по его произведениям. Конечно, здесь проявилась и высокая требовательности писателя к результатам труда художника, тем более если они — эти результаты — имели отношение к его собственному творчеству. Это вовсе не означает, что всё, что создавалось кинематографистами, ему не нравилось. На просмотрах фильмов Шолохов нередко был и взволнован, и растроган. В.Монахов, например, вспоминал, как писатель впервые смотрел «Судьбу человека»: «Фильм кончился, в зале зажгётся свет — молчание. Затем Шолохов тихо поднялся и вышел, а за ним все его «казачки». Группа оторопела. Все ждали, что писатель что-то скажет. Поблагодарит хотя бы. Или покритикует. Шолохов вниз — мы с Бондарчуком за ним. Спустились. Михаил Александрович оделся. Мы не выдержали, подошли, сказали: «Михаил Александрович, хоть что-нибудь нам оставьте». Он ответил: «А вы что, хотите, чтобы я перед вашими работниками рассопливился? Не могу. Приезжайте ко мне завтра — буду вас ждать».

Тут только мы заметили, насколько Шолохов был взволнован.

На другой день у нас состоялся подробный разговор».

Однако чаще всего, даже при самых талантливых постановках, Шолохова в той или иной мере не удовлетворяла глубина отражения в кинофильмах содержания его произведений. Нет ничего удивительного в том, что особенно трепетно писатель относился к кинотрактовке его «Тихого Дона».

Создание фильма по центральному произведению Шолохова стало крупным событием в культурной жизни страны. Этому произведению придавалось значение выдающегося не только художественного, но и идеологического явления. Не случайно создатели фильма связывали саму возможность его постановки с теми или иными событиями политического свойства.

Так, С.А. Герасимов неоднократно подчёркивал, что он «только после XX съезда партии приступил к... экранизации любимого романа М.Шолохова «Тихий Дон»». В действительности эта связь не была уж столь определяющей. Как свидетельствуют архивные документы, принципиальное решение о создании фильма было принято задолго до XX съезда, в 1955 году.

И всё же совершенно игнорировать ориентацию кинематографистов на политические события было бы неверно. Эта ориентация, безусловно, накладывала определённый отпечаток на толкование существенных сторон содержания романа Шолохова. Обстоятельства, связанные с созданием фильма, свидетельствуют об этом достаточно красноречиво.

29 июня 1955 года директор Киностудии им. М.Горького Калашников направил Шолохову письмо, в котором сообщал о том, что киностудия «приступает к серьёзной и ответственной работе — постановке большого художественного фильма в 2-х сериях по Вашему роману «Тихий Дон».

Постановку этого фильма Студия поручает режиссёру С.А. Герасимову.

Очень желательно было бы, чтобы Вы сами писали литературный сценарий для этого фильма. Если же работа над сценарием не входит в Ваши ближайшие творческие планы, то просим сообщить нам Ваше согласие на экранизацию Вашего произведения с тем, чтобы работу над литературным сценарием осуществил режиссёр С.Герасимов при Вашей творческой консультации».

Шолохов достаточно быстро ответил на предложение, так что 14 августа 1955 года руководители студии в письме на имя заместителя министра культуры СССР В.Н. Сурина, в частности, сообщали: «Писатель М.Шолохов дал своё согласие на экранизацию романа, а также одобрил кандидатуру С.Герасимова как автора сценария».

К декабрю 1955 года работа над сценарием первой серии фильма была завершена. В его основу С.Герасимов положил первую книгу романа Шолохова. По признанию сценариста, особую сложность представлял для него образ Михаила Кошевого. В оценке этого персонажа Герасимов исходил из совершенно определённой идеологически правоверной установки. Он считал: «Необходимо, чтобы его (Кошевого. — Ю.Д.) большевистская правда, логика и непреклонность были бы не только заявлены, но и прочувствованы». При этом талантливый кинематографист не мог не понимать, что столь жесткая идейная категоричность входила в противоречие с образной системой романа, в особенности с образом Григория Мелехова. Однако сколь мучительными ни были бы сомнения художника, идеологический заказ современности оказался более весомым аргументом. Позднее С.Герасимов признавался: «Очень трудно «выстраивался» образ Кошевого. Дело

в том, что Кошевой в романе (а значит, и в нашем фильме) поставлен в исключительно сложные обстоятельства: ему, человеку, за которым правда верно выбранного народом исторического пути, нужно завоевать симпатии читателя, зрителя, преодолевая всю мощь обаяния фигуры Мелехова».

Надо сказать, что усилия сценариста по «облагораживанию» образа Кошевого, смягчению его личности и потенциала были официально отмечены и по достоинству оценены. В «Заключении» киностудии по литературному сценарию «Тихого Дона» отмечалось: «Удачно выписаны (!) С.Герасимовым сцены, в которых более подробно разрабатывается образ Кошевого».

Судя по документам, у сценариста не было разногласий с руководством киностудии и в толковании образа Григория Мелехова. Центральный персонаж шолоховской эпопеи рассматривался в русле модной в те годы концепции «отщепенства», («траченной молью», как позднее отозвался о ней Шолохов), согласно которой все беды и невзгоды в судьбе этого незаурядного человека имеют главной причиной то, что в условиях революционного раскола он, якобы, оторвался от народа и даже поднял против него оружие. Вот и в одобряющем сценарий «Заключении» вполне в духе пресловутой концепции с удовлетворением отмечалось: «Сценарий позволяет проследить за всеми этапами трагического, залитого кровью пути Григория Мелехова, потерявшего за время многолетних блужданий и поисков «своей правды» не только родных, близких, друзей, дом, но и себя самого, своё будущее (выделено мною. — Ю.Д.), надежда на которое для него — в последнем оставшемся в живых близком существе — Мишатке».

На самом деле шолоховский герой на заключительных страницах «Тихого Дона» предстаёт хотя и изувеченным судьбой, но отнюдь не сломленным, не растоптанным человеком. Однако в 50-е годы, когда начиналась работа над фильмом «Тихий Дон», такое представление об образе Григория Мелехова входило в явное противоречие с официальной версией романа, утвердившейся к тому времени и в литературоведении. Не случайно, принимая сценарий 2-й серии фильма, руководители Киностудии им. М.Горького с удовлетворением отмечали, что «здесь в полную силу раскрылась важнейшая тема произведения Шолохова, связанная с образом Григория, — трагедия человека, оторвавшегося от народа, пошедшего против интересов народа и оказавшегося в антинародном лагере. В этой серии вырастают фигуры подлинных борцов за революцию Подтелкова, Мишки Кошевого, Бунчука, Ивана Алексеевича...»

Шолохов тоже ознакомился со сценарием, написанным С.А. Герасимовым, и, судя по всему, был весьма озадачен однозначностью трактовок целого ряда эпизодов его романа. Он понимал, что теперь, когда работа над сценарием близилась к завершению, какие-либо кардинальные его изменения были маловероятны, тем более что руководство киностудии решило фильмом по «Тихому Дону» отметить грядущий 40-летний юбилей Октябрьской революции. И всё же произвести некоторую корректировку сценария Шолохов считал не только возможным, но и необходимым.

18 апреля 1956 года он отправил на имя директора киностудии Г.В. Бритикова письмо:

«Уважаемый т. Бритиков!

Считаю необходимым просить Вас о включении в работу над сценарием т.Потапова К.В. При этом я исхожу из следующих соображений: Герасимов не знает ни казаков, ни

Дона; писать сценарий по книге — работать вслепую. Он уже допустил в сценарии не одну «развесистую клюкву», и ни у Вас, ни у меня не может быть уверенности, что в дальнейшей работе он не «взрастит» ещё не один куст этой пресловутой клюквы.

Потапов редактировал последнее издание «Тихого Дона», многократно бывал на Дону. И от такого его сотрудничества будет для дела только польза.

Прошу о Вашем решении известить меня.

С прив[етом] М.Шолохов».

Реакция руководства киностудии на письмо Шолохова неизвестна. Ясно только, что предложенная писателем кандидатура К.В. Потапова не была поддержана: какие либо документы, свидетельствующие о его участии в работе над сценарием «Тихого Дона», отсутствуют. Однако не вызывает сомнения и то, что вмешательство Шолохова вынудило кинематографистов внести в сценарий требуемые писателем изменения. 5 июня 1956 года С.А. Герасимов писал автору романа:

«Дорогой Михаил Александрович!

Посылаю тебе режиссёрский сценарий трёхсерийного варианта. Многие сцены под давлением неумолимого метражного лимита даже в трех сериях не нашли места. Это досадно, конечно, да что ж поделаешь, такое уж наше искусство.

Вариант этот родился в результате и длительных, и трудных поисков. Задача — передать роман в его идейном и драматическом развитии как можно более полно.

Очень прошу тебя прочесть и высказать свои предложения. Для этой цели я готов в любое время выехать к тебе или повстречаться в Москве. Это уж как ты найдёшь нужным. Учти только, что фильм идёт к сорокалетию Октября и сейчас уже каждый день и час у группы на учёте.

Желаю тебе здоровья и жду ответа.

С.Герасимов».

Шолохов откликнулся незамедлительно. 15 июня 1956 года он в письме на имя директора Киностудии им. М.Горького настаивал на своём личном участии в уточнении текста киносценария:

«Уважаемый т.Бритиков!

Сценарий С.Герасимова по «Тихому Дону» читал. В принципе не возражаю, но с одной оговоркой, которая не может помешать началу работы и с которой Герасимов, очевидно, согласится: усилить литературный текст, в частности, диалог, и в течение недели Герасимову вместе со мной, Кочаряном и Лукиным Ю.Б. поработать над сценарием. Об этом я пишу Герасимову.

С приветом М.Шолохов».

Сейчас трудно с уверенностью сказать, какие именно коррективы были внесены в текст киносценария по настоянию Шолохова. Ответ на этот вопрос требует дополнительных разысканий. Однако даже поверхностное сопоставление некоторых ключевых эпизодов сценария с их воплощением в фильме позволяет судить о том, как режиссёрский сценарий постепенно освобождался от элементов вульгарно-социологической символики, приближаясь к суровой правде литературной первоосновы.

Так, например, в первом варианте сценария заключительный эпизод фильма виделся С.А. Герасимову упрощённо мелодраматическим: «Мишатка узнал отца, дал ему поднять себя на руки. Григорий посадил его на плечо и своей чёрной клещастой рукой захватив его маленькие ручонки, прижал их к губам.

Так и стали они подниматься в гору по трудной, обледенелой, отблёскивающей на солнце дороге».

Такое однозначно оптимистическое представление о подсвеченном солнечными бликами «восхождении» Григория Мелехова, конечно, противоречило трагической сущности финала шолоховской эпопеи. Как известно, в конечном счёте заключительный эпизод фильма снят уже в иной тональности. Нет там ни подъёма в гору, ни солнечных бликов. Осталось главное: отец и сын.

Не секрет, что фильм «Тихий Дон» на протяжении десятилетий многими зрителями воспринимался как адекватное воспроизведение романа Шолохова. До сих пор инерция зрительского восприятия «рисует» нам Григория Мелехова в облике Петра Глебова, Наталью в облике Зинаиды Кириенко, Аксины в облике Элины Быстрицкой. Но сегодня нельзя умолчать и о том, что в фильме С.А. Герасимова отчётливо проявилась идеологическая заданность, которая с неизбежностью предопределила упрощённое толкование романа М.А. Шолохова.

Примечание: письма М.А. Шолохова опубликованы впервые.